

— Перед перерывом проведём перекличку! — по обыкновению растягивая слова, объявила преподаватель — женщина в возрасте, взяла лист с группами и так же медленно начала зачитывать фамилии студентов. В аудитории началось движение — те студенты, которые хотели выйти, сгрудились у двери, в ожидании своей фамилии. Остальные остались сидеть на своих местах. Среди них была и Лилия, которая не обратила на всё это никакого внимания, т. к. последние полчаса что-то взахлеб рассказывала своей лучшей подруге Маше, сидящей слева от неё (кстати, сидящую справа подругу тоже звали Машей — Лилия обожала садиться между ними и загадывать разные желания). Только на секунду прервала свой рассказ, когда преподаватель дошла до неё по списку. Ей некуда было торопиться.

Чего нельзя было сказать о других девушких, с нетерпением ждавших перерыва, чтобы сбегать по «маленьkim» делам. Какая-то девушка, сидящая прямо за Лилией, услышав о перекличке, сдавленно выдохнула:

— Боже, как не вовремя-то! — и она была одной из первых, кто подбежал поближе к двери, чтобы после выкрика «Здесь!» сразу выйти.

Подруга, сидящая справа от Лилии (и одновременно — ближе к выходу), тоже решила воспользоваться перерывом и сбегать в туалет, чтобы слегка облегчить свой мочевой пузырь — он уже немного потяжелел и побаливал. Она поднялась и, склонившись к сидящей подруге, тихонько (чтобы не смущаться от того, что молодые люди могут её услышать) спросила:

— Лиль, пойдём в туалет?

— Нет, не хочу, — бросила в ответ Лилия.

— Ну Лилиииль, — захныкала девушка, обиженная таким предательством подруги. Даже слегка притопнула каблучком, отчасти подкрепляя свою настойчивость, а отчасти от нетерпения.

— Ой, Маш, да иди уже! А то мне самой из-за тебя захочется.

Девушка, погрустнев, отвернулась. Идти одной не хотелось, но и разгрузить низ животика нужно было — не дай бог припрёт пописать посреди пары! У неё уже был подобный мерзкий опыт, закончившийся промокшими трусиками и колготками. Её нерешительное топтанье на месте прервала подлетевшая к ней подружка, которая сидела на несколько рядов дальше:

— Машуль, ты в туалет?

— Да, — ответила та, обрадовавшись компании.

Порывшись немного в сумочке, Маша достала упаковку бумажных салфеток, и девушки направились к двери, мигом затерявшись в потоке студентов. Воспользовавшись усилившимся шумом, девушка что-то тихонько сказала Маше, на что та, пытаясь говорить так, чтобы не подслушали окружающие, и при этом услышала подругу, ответила:

— Да выброси их просто, чё в мокрых ходить мучиться?...

Как только девушки отошли, Лилия зашептала соседке:

— Блин, ну вот зачем она сказала про туалет? Теперь мне тоже захотелось!

Девушка закинула ногу на ногу. Пояс обтягивающих, на одним размер меньше чем нужно, джинсов вдавился в её живот. И если раньше девушка не ощущала дискомфорта, то теперь почувствовала, что в джинсах ей тесновато. Впрочем, не настолько, чтобы сломя голову нестись в туалет, как некоторые другие девушки, поэтому, откинувшись на спинку стула, она

возобновила рассказ.

Застучали, приближаясь к их парте, каблучки, и довольная Маша уселась на своё место. В её ладошке шуршала изрядно прохудившаяся упаковка салфеток. Лилия даже немножко обиделась на неё за то, что Машка только что облегчилась, а Лилия (по её вине, кстати!) хочет пись-пись. И сходить уже не успеет, ведь вместе с подругой вернулась и преподаватель. Пришлось девушки, поменяв местами перекрещенные ножки, отвлечь своё внимание от всей нарастающей тяжести внизу живота чем-то другим.

Чем дольше тянулась вторая половина пары, тем ощутимей Лилии хотелось поссать. К счастью, под партой не было видно, как девушка мотает коленками, сводя и разводя их, попеременно закидывает то левую ногу на правую, то правую на левую, как просовывает между бёдер ладошку, которая не столько помогает терпеть, сколько приятно согревает бедро, и это тепло действует успокаивающе. Однако чего парты скрыть не могла, так это нетерпеливого стука каблуков. Этот цокот был словно акустическим воплощением девочкиных мыслей, в которых она со всех ног бежала в женский туалет (расстояние длиной в коридор и лестницу на второй этаж она, естественно, в своих мечтах преодолела за долю секунды), врывалась в кабинку, вихрем, на одних носочках, разворачивалась задом к унитазу, сдёргивала с себя джинсы с трусиками и, наконец-то... Лилия усилием воли заставила себя вернуться из приятной мечты о туалете в реальность — не хватало ещё, представив себя писающую, и вправду пустить струю в трусики.

Лилия повертела головой. Маша, сидящая справа, выглядела весёлой и беззаботной. «Надо было с ней пойти», — пронеслось в её голове — «и тоже бы ни о чём сейчас не беспокоилась...». Маша слева непринуждённо записывала лекцию. Ни её лицо, ни ножки, не выдавали никакой обеспокоенности, но...

— Она же давно не была в туалете, — рассудила Лилия. — За весь день при мне ни разу не сходила. Значит, писала последний раз дома. Ах да, ей же уйти с последней пары надо. Тем более, она обязательно должна будет сходить на дорожку.

Обрадовавшись своему умозаключению, она шёпотом спросила:

— Сходим в туалет после пары?

— Прости, Лиль, я правда тороплюсь. Мне после пары сразу бежать надо.

— Даже в туалет не зайдёшь? — удивилась разочарованная Лилия. Она-то уже представила как пойдёт вместе с подружкой, и как они будут одновременно писать, как из-за разделяющей их тонкой перегородки будет доноситься знакомое тихое посвистывание подружкиной струйки

— Я бы с радостью, — призналась подруга, — а то уже сильно хочется. Но мне сегодня обязательно надо прийти пораньше на работу, у нас сокращение. Короче, попробую дотерпеть, схожу там.

Лилия кивнула. Она немного обиделась, и понимала теперь чувства Маши, услышавшей её отказ. Может, попросить другую Машу сходить с ней? Впрочем, не стоит, она из вредности откажет. Придётся одной стоять, как дуре, в очереди в кабинку...

— Кстати, ты же вроде не хотела, — заметила подруга.

— Это всё из-за Машки! — взвилась Лилия. — Вот всунулась со своим туалетом, и вдруг сразу захотелось писать со страшной силой!

— Прямо так сильно? — удивились подруга.

— Очень, — жалобно ответила Лилия.

— Бедняжка, — пожалела её подруга, протянув руку к её животу и слегка поглаживая твёрдую выпуклость.

Лилия, притворно всхлипнув, опустила голову на плечо подруги и вся сжалась. Между закинутыми друг на друга ножками она просунула ладошку и прижала к киске. Подруга приобняла Лилию за талию и своими обтянутыми колготками ножками обвила ножки Лилии. От признания подруги, что она тоже сейчас хочет писать, стало легче. Девушки сидели, обнявшись, и обе терпели и, сами того не подозревая, мечтали об одном и том же — прямо сейчас оказаться сидящей на унитазе и писать, писать, писать...

— На сегодня лекция закончена. Не забудьте, что со следующей недели я начинаю принимать курсовые...

Лилия перестала слушать уже со слов «лекция закончена». На сдачу курсовых отведён месяц, а мочевому пузырю девушки был отведен максимум час до момента взрыва. Лилия чувствовала это животом (который ещё сильнее потяжелел и округлился), ножками (они стали словно ватные и с трудом, подрагивая, несли потяжелевшее тело девушки) и всем телом, попеременно покрывавшимся то холодным потом, то гусиной кожей. Прямо противоположным образом повторилась ситуация 45-минутной давности — теперь только Лилия, лихорадочно запихав тетрадь в сумочку и наскоро попрощавшись с подругами, полетела к выходу, тогда как все остальные студентки собирались не спеша и беззаботно смеялись — в отличие от Лилии они могли себе позволить похвостать, не боясь ненароком пустить пару струй в трусики.

На том же этаже, где проходила лекция, находился мужской туалет, женский же располагался прямо над ним, на этаж выше. Лилия быстро пробежала вверх по лестнице, минуя компанию из трёх девушек — одна поднималась впереди, две другие, хихикая, медленно плелись следом. А первая девушка оборачивалась на медлящих подруг и подгоняла словами: — Девочки, ну скорее! Не могу уже!

— Тоже ссать? Подождёшь, я первая! — злорадно подумала Лилия, проскочив мимо неё. Но там прямо у двери застенчиво переминались несколько девушек. Лилия хотела было нырнуть в туалет, но её остановила одна из девушек:

— Туда нельзя, уборка, — и указала на листок, прикреплённый прямо под буквой «Ж»: «Расписание уборки: 9.30—9.45, 12.40—12.55, 14.45—15.00». Лилия с ужасом взглянула на часы: 14.50.

Другая из этой компании, со странным полусмехом-полустоном, запрыгала и зашипела:

— Девочки, я уже не могу! Сейчас буду писать!

Третья тоже решила поделиться своими мучениями. Прыгая на одной ножке, согнув правую коленку и прижав правое бедро к левому, она, широко улыбаясь в попытке скрыть своё отчаянное положение шуткой, приговаривала:

— Аааааааа, не могу, не могу, не могу! Сейчас описаюсь!

Так, попеременно поджимая под себя ножки, она крутилась вокруг сгрудившихся в тесный кружок подружек, время от времени напряжённо замирая и опуская поджатую ножку, и косясь на проходящих мимо молодых людей — как бы кто не услышал о её страданиях, кроме подруг! Продолжая перебирать ножками, она начала рыться в сумочке, и издала разочарованный возглас:

— Блин! Салфетки кончились... Юль, поделившись? — обратилась она к подруге.

— Не могу, Ириш, тоже закончились. Только прокладку могу дать.

— Ир, у меня есть салфетки — обнадёжила подругу другая девушка.

Тут подоспела ещё одна страждущая, та самая, что поднималась по лестнице вместе с Лилией. А за ней и подкалывающие её подруги. Увидев мнувшихся у туалета девушек, и скользнув взглядом по расписанию уборки, девушка испустила тихий стон. Но что ей было делать? — и встала рядом с остальными подругами по несчастью.

Девушки, широко улыбаясь, переминались с ноги на ногу, скрещивали ноги, ни на секунду не переставали двигаться. До Лилии донеслось противное «пссс-пссс-пссссссс!!!» — это щутила одна из девушек над своей подругой.

Все они завистливо поглядывали на преподавательниц, секретарей из профкома, расположенного на этом же этаже, и других молодых женщин, которых уборщица пропускала в туалет. Это и ясно — у них много работы, вот выдалась буквально одна свободная минутка, и женщина стремглав бежит в туалет, о котором мечтала последние полтора часа, но не могла отлучиться из-за работы. А студентки? У них пузыры молодые, крепкие, потерпят! Тем более — кто им мешал сбегать пописать во время пары? Студентки понимали это и, скрепя письки, продолжали терпеть.

Невозможно описать словами те чувства, которые бушевали в девушках, когда они смотрели на то, как женщины входят в туалет и выходят оттуда через несколько минут облегчённые, с довольными лицами.

— Я тоже так хочу, — прошептала одна из девушек общую мысль, глядя, как выходит из туалета очередная женщина.

До другого женского туалета было далеко идти, можно и по пути описаться (они все очень сильно хотели), проще было подождать 5 минут, пока закончится уборка. Но Лилия не могла ждать — следующая пара у них была в другом корпусе, где женские туалеты вечно на ремонте. А до него ещё дойти надо!

К девушкам приближался быстрый цокот каблуков — молоденькая аспирантка, выскользнув из лаборантской, бежала в туалет. Времени было мало, а выписать из себя нужно было ох как много — накопилось за три пары! Хуже того — из-за бешеного темпа работы, бегания по кабинетам и персональных объяснений каждому непонятливому студенту, она сама не заметила, как пару раз написала в трусики. Всего на миг потеряв контроль над уретрой, она намочила свои трусики и даже не заметила этого! Пару минут назад, решив для себя немедленно сбегать в туалет, пока не описалась, девушка почувствовала эту влажность под своей юбочкой. Решив, что это лишь пот, она успокоилась, но сейчас, по пути в заветную кабинку, она смутно подозревала, что слегка описалась. Ей начал мерещиться приторный запах мочи, перебивающий аромат духов и частиц реагентов, осевших на халате. С грустью она осознавала, что если в кабинке, приспустив трусики, она увидит на них мокре пятно, то их придётся выбросить, а ходить без белья стеснительная девушка не привыкла даже жарким летом.

Аспирантка, буквально влетев в туалет, не глядя на уборщицу, направилась к кабинке. Белый лаборантский халат, словно парус развевающийся за её спиной, был чем-то вроде пропуска в закрытое заведение — женский туалет — куда пускают только VIP-персон по специальному разрешению. Уборщица, оглянувшись на вошедшую, скользнула взглядом по халату и снова занялась уборкой — face-контроль был пройден.

Лилия медленно приоткрыла дверь туалета. Увидела уборщицу, размашисто растирающую

по полу грязную воду. Из одной кабинки доносилось громкое шипение — это мочилась аспирантка. Кажется, сквозь шум струи Лилия рассыпала тихое облегчённое «оооооооохх хорошо-то как!», но не была уверена. Тем более, её интересовала не отливающая лаборантка, а только её собственное сильное желание и вердикт уборщицы — может или не может Лилия его облегчить.

— Можно? — пискнула девушка.

— Девочки, для кого листок на двери висит? Написано же — с 14. 45 до 15. 00 — уборка! Что не ясно?

— Ну пожалуйста! — взмолилась бедная девушка, — очень надо!

— Ты на мокром полу поскользнешься, а мне отвечать потом? Подожди хотя бы, пока высохнет

— Не поскользнусь — почти плача прошептала Лилия, но женщина её не слушала.

Лилия закрыла дверь и посмотрела на мнущихся девушек. Видимо, её лицо в этот момент так жалостливо умоляло «Господи, ну дайте же мне, наконец, пописать!!!», что девушки в один голос заверили её:

— Ничего, подруга, мы тебя первую пропустим.

— Да мне некогда ждать, — пролепетала Лилия, — на пару уже опаздываю. — И, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать и не описаться одновременно, быстрым шагом пошла в другой корпус.

По самому подлейшему из законов, как только Лилия, проклиная всё на свете, удалялась от заветного женского туалета, вышла уборщица, подняла ведро и ушла. И Лилия уже не могла видеть, как девушки гурьбой бросились к освободившемуся туалету, тихонько полуслучивши толкаясь и по-детски забивая себе кабинки:

— Огосподибоже НАКОНЕЦ-ТО!! Чур, я первая!

— Почему это ты первая? Я тоже еле терплю!

— Уууийй пустите меня, умираю!

— Девочки, а можно я первая? Я серьёзно щас обсикаюсь...

— Как же жалко ту девочку... Ей оставалось всего-то полминутки подождать. Надеюсь, она дотерпит...

И Лилия терпела. Прокручивая в голове все матерные слова, которые она знала, девушка преодолевала многочисленные коридоры и пролёты. Самое тяжёлое для девушки испытание ожидало её в конце пути, на подходе к нужной аудитории — она находилась рядом с мужским туалетом, а женский располагался прямо над ним, нужно было только подняться по лестнице. Как раз в этот момент наверху скрипнула дверь, и Лилия услышала над собой громкий цокот двух пар туфель. Две девушки, похоже, как и Лилия, невыносимо долго терпели, прежде чем попали в желанный туалет, так как одна из них весело произнесла:

— Фуф, я уж думала — не добегу!

— Да, я тоже, — засмеялась вторая. — Целую вечность терпела!

— Никогда не видела, чтобы ты с такой скоростью неслась, ещё и на каблуках, — хихикнула первая.

— Сама в шоке! Только это меня и спасло от позора. Серьёзно, хоть на секунду позже бы зашла — нассалла бы себе полные трусы!

Голоса довольных девушек удалились. Если бы Лилия не боялась до смерти препода, то, наплевав на пару, полетела бы вверх по лестнице, к туалетику! Но, видимо, не судьба...

Девушка представила, как ей потом придётся бежать вверх по лестнице, а её мочевой пузырь будет скакать внутри неё, и булькающая моча будет рваться наружу, всё сильнее с каждым шагом. От этого ей стало ещё хуже, и, стараясь не загадывать наперёд, вошла в аудиторию. Преподаватель был уже на месте — он всегда приходил пораньше, и требовал этого же от студентов. Лилия никогда не была против этого, но сегодня она всем сердцем и мочевым пузырём ненавидела его привычку. Выслушав его отчитывания, Лилия заняла место на задней парте, подальше от него. Без Маши было очень грустно, одиноко и холодно, так бы она прижалась к подружке и до перерыва (или раньше, в зависимости от того, сколько выдержит её пузырь) выслушивала бы ласковые слова утешения.

Занятие проходило в обычном режиме, если не считать Лилию, изнывающую от желания пописать, ёрзающую на стуле и дрожащую. Как же она хотела, не спрашивая препода, встать и выйти в туалет! Но пара только началась, и она знала, что он её остановит на полпути и спросит: «Чистякова, куда это вы собрались?» И Лилия, красная от унижения, перед всей группой, перед МАЛЬЧИКАМИ скажет про туалет, на что получит ответ: «Садитесь на место, свои дела надо делать в перерыве». И будет потом, как дура, ловить любопытные взгляды одногруппников, гадающих, описывается Лилия или нет.

А тем временем её «дела» стали потихоньку делаться сами по себе... Не помогало ни закидывание ноги на ногу, ни просовывание руки между бёдер, ни даже расстёгивание пуговицы на джинсах. И никто из одногруппников не мог даже вообразить, что их Лилия, одна из самых сексапильных девушек на потоке, всегда такая эффектная, ухоженная и неприступная, прямо сейчас сидит скорчившаяся за их спинами и писается себе в трусики, как маленькая! И сама Лилия тоже не могла в это поверить — её лицо горело, коленки дрожали, а дрожащие пальцы комкали пока ещё сухую промежность. Но девушка, сама того не подозревая, ещё утром выиграла себе немного времени, одев прокладку — если бы не эта преграда между киской и трусиками, моча быстро полилась бы в джинсы, и растеклась по ним сначала большим пятном в промежности, а потом и длинными подтеками вдоль ног. Лилия часто и надрывно дышала, пытаясь сконцентрироваться на уретре и сжать её. Но всё, что ей удалось сделать — уменьшить поток до узенькой струечки. Но моча текла непрерывно, прокладка стремительно намокала. Лилия почувствовала промежностью, что прокладка набухла и больше не вмещает. Вместо того, чтобы впитываться, как и вся предыдущая непреднамеренная моча, эта начала разливаться по прокладке мокрой лужей, грозя перелиться через край. Лилия, похолодев от мысли, что она сейчас протечёт, и под её попой начнёт растекаться лужица, всем своим весом надавила на попу. Моча, не найдя других выходов, начала омерзительнейшим образом перетекать через край, в трусики. Сейчас потечёт по-настоящему.

Лилия встала и быстро пошла к двери. К счастью, именно в этот момент преподаватель отвернулся к доске, и только, запоздав услышав торопливый цокот каблуков на спиной, обернулся на шум и успел увидеть лишь миниатюрный девичий силуэт с длинными чёрными волосами, исчезающий в закрывающемся дверном проёме.

В женский туалет Лилия уже не успевала — она продолжала писаться маленькими струйками прямо на ходу (вихрем в её мозгу пронеслось «надеюсь, за мной по полу не тянется мокрая полосочка... »). Малейшее усилие грозило девушке потерей контроля над собой — стоило бы ей всего лишь занести ножку над ступенькой, как усилия, сжимавшие её уретру, перешли бы в ножки. И быстрый подъём по лестнице компенсировался бы безудержным потоком мочи

прямо в трусики. Что же делать?! Уже на уровне инстинктов, ослеплённая желанием девушка, вертя головой, начала присаживаться. Неизвестно, действительно бы она спустила штаны и начала поливать пол, если бы не заметила справа от себя дверь с буквой «М».

— Господи, только бы там никого не было! — отчаянно молясь, Лилия ворвалась в мужской туалет.

На счастье девушки, там никого не оказалось. Особых отличий от женского туалета не было — и вонь естественных отходов стояла такая же, так же перебиваясь табачным перегаром. Правда, в женском туалете вся эта вонь худо-бедно перебивалась целым букетом различных ароматов духов, а здесь вонь стояла неприкрытая. Закашлявшись и прижав ладошку к лицу, Лилия подбежала к первой кабинке и дёрнула дверь — она не поддалась. Кабинка точно была пуста, она видела это через дыру от кулака в двери (такого тоже не встретишь в женском туалете), но она как-то была заперта изнутри. Лилия дёрнула следующую дверь — она была слегка приоткрыта, но, похоже, заклинила, и как слабая девушка ни пыталась её сдвинуть, дальше не открывалась. От отчаяния девушку пронзил ещё один позыв, и она в который раз почувствовала, как теплеет её прокладка. Придерживая себя двумя руками, она пошла дальше, в конце стены.

В углу туалета, прямо рядом с окнами, на стене висел писсуар. Нижняя часть окна была криво заклеена промышленным скотчем, а через верхнюю, открытую, часть были видны окна универа. Бедная Лилия даже не могла понять, что её смущает больше — то, что ей сейчас придётся мочиться в писсуар, либо то, что через окно её может кто-нибудь увидеть. Как бы то ни было — Лилию распирало от мочи, и ей немедленно требовалось облегчиться. Стараясь не думать о случайных свидетелях, не глядя на окно, Лилия развернулась спиной к стене, сдёрнула с себя джинсы, спустила нежно-салатовые трусики и попкой нацелилась в писсуар. Он висел довольно высоко для низенькой девушки, поэтому ей пришлось сильно согнуться, чтобы струя била как можно прямее. Моча не заставила себя долго ждать — девушку прорвало. Мужской туалет наполнили звуки, которых отродясь здесь не было, и которые были характерны только для женского туалета.

Она стояла в раскоряку, смутно представляя, куда бьёт её струя, главное — чтобы не мимо. Чувствовала она себя при этом ужасно глупо — стояла, расставив ноги, наклонившись, как гимнастка, делающая растяжку (если бы протянула руки, то могла бы опереться ладонями о холодный кафельный пол). Зачем-то подумав об этом, Лилия представила эту гимнастку, писающей из такой забавной позы. В её воображении струя гимнастки выбрызгивалась тонкой ровной дугой. А что если бы олимпиаде гимнастки соревновались в необычности позы, из которой они могут писать? (Специально для) Например, стоя на руках и расставив ноги... Лилия захихикала от той глупости, что она сейчас представила. От смеха её тело слегка задрожало, и струя заколыхалась, но девушка этого даже не почувствовала: ей сыграла на руку конструкция писсуара — если бы она стояла над унитазом, то дрожащая струя наверняка прошлась бы по ободку.

Лилия так согнулась, что не могла, как она привыкла это делать во время посещений женского туалета, проверить чистоту своих трусиков. А ей это очень нужно было сделать — она знала, что часть мочи миновала прокладку и вылилась ей в бельё. Единственное, что она могла сделать — нащупать и отодрать от трусиков прокладку. Она представляла собой жалкое зрелище — насквозь мокрая, противно-жёлтого цвета, набухшая настолько, что стоило её слегка сжать — и моча польётся ручьём. Девушка брезгливо бросила её в урну рядом с собой.

Не дай бог сюда зайдёт молодой человек и увидит ссущую Лилию — девушка этого не переживёт. Она напрягала уретру, как могла, пытаясь как можно быстрее выписать из себя всё накопившееся. Её моча оглушительно шипела, глухо звенела, разбиваясь о фаянс писсуара, девушка чувствовала отскакивающие от фаянса капельки, оседающие на её попе.

— Ничего, подотрусь... — подумала было девушка, но... ЧЕМ? Она так спешила, что забыла достать из сумочки бумажные салфетки! И что ей теперь делать? Натягивать трусики на мокрые попку и киску?

— Блять! — обычно не ругающаяся девушка с отвращением водила ладошкой по забрызганной попе, другую ладошку просунула между ножек и потеребила, отряхивая, половые губы. Двумя оставшимися чистыми пальчиками натянула трусики, и, кое-как, джинсы, и, даже не прикоснувшись к пряжке ремня, побежала к умывальнику. Сполоснув и высушив руки, она закончила одеваться, поправила одежду и, бесконечно счастливая, вышла из мужского туалета, пообещав себе впредь ходить в туалет на перерывах.